

По запястью прокатилась жгучая волна, словно его схватили раскаленными клещами. Бай Шаоцин застонал, и его тело обмякло, лишившись всех своих сил.

С громким звоном меч упал на пол.

В комнате было очень тихо, и этот звук показался настолько оглушительным, что от него заболели барабанные перепонки.

От двух дюжих мужиков и Сюй Мэнхуэя не осталось и тени.

Сыма Фань, держа одной рукой Бай Шаоцина за запястье, другой фривольно обхватил его за талию. Затем он снова сел на стул и легко посадил Бай Шаоцина себе на колени.

— Истребитель драконов? — поддразнил Сыма Фань. — Меч безжалостен, но недостаточно.

Он сорвал с Бай Шаоцина маску и, увидев открывшееся прекрасное лицо, не удержался от потрясения.

— Фэн Лун счастливчик, — со вздохом произнес он и, ни слова не говоря, поцеловал его.

Бай Шаоцин был так зол, что его всего трясло.

Со двора доносился шум и суета, а затем послышался звук фейерверка. В небе вспыхнули несколько огней — сигнал какой-то группы Улинь.

— Со шпионами, внедренными Фэн Луном, наконец разобрались. — Сыма Фань в окно посмотрел на расцветающий фейерверк, потом повернулся и произнес: — Но если ты меня попросишь, я могу позволить тебе еще немного подождать?

— Кого подождать?

Сыма Фань небрежно ухмыльнулся:

— Кого же еще?

Договорив, он взглянул прямо в лицо Бай Шаоцину и прищелкнул языком:

— Я дал ему возможность прийти и спасти тебя, но почему он не пришел? Жаль, очень жаль.

Его рука все еще лежала на пульсе Бай Шаоцина.

— Если есть наживка, это еще не значит, что есть рыба. — Бай Шаоцин все еще улыбался.

Но он улыбался через силу, и даже его тонкие губы начали дрожать. Неважно кто ты, если в твоих венах, подобно лаве, пылает жар, твоя улыбка будет немного вымученной.

— Ты такая ароматная приманка, что на его месте я бы точно попался на удочку, — нагло заявил Сыма Фань, придвинувшись к Бай Шаоцину и обнюхивая его шею. — Неважно, если он не появится, сначала я и маленькая Летучая Мышь потренируемся в сплетении...

На последних словах тон его голоса изменился.

Сыма Фань вдруг замолчал, а затем резко поднял голову и уставился на Бай Шаоцина.

— Как называется твой меч?

Его прежде нежный и вежливый голос теперь стал хриплым.

— Техника меча — Истребитель драконов, и меч, конечно, тоже называется Истребитель драконов. — Бай Шаоцин перестал дрожать и, как будто с любопытством, смотрел на него. — Не думал, что Истребителя драконов можно использовать против шакалов.

— Ты перековал трехфутовый клинок... — Лицо Сыма Фаня исказилось. В этот раз оно было ужасающим, как никогда.

Словно ничего не подозревая, Бай Шаоцин продолжал:

— Хотя из-за перековки эффект холода трехфутового клинка проявляется немного позже, он незаметно проникает в тело, и является еще более смертоносным для тех, кто практикует технику пересечения неба против солнца. Лидер Фань, неужели ты не знаешь, что Фэн Лун был ранен моим трехфутовым клинком? Сталь можно переплавить и перековать. Любой воин знает эту простую истину, почему же ты не догадался?

Из горла Сыма Фаня вырвался слабый звук. Он посмотрел на Бай Шаоцина убийственным взглядом, и наконец рассмеялся:

— Хочешь, чтобы я убил тебя? Это самый нелепый способ меня провоцировать.

Его улыбка уже была не такой как раньше, он больше не выглядел непринужденно. На Бай Шаоцина злобно смотрели налитые кровью глаза гадюки.

Он надавил на акупунктурные точки Бай Шаоцина и безжалостно швырнул его на пол.

— Я не убью тебя. Но я дам попробовать на вкус твой меч. — Он поднял Истребитель драконов, лежащий на полу, и выдал из себя улыбку. — Разве ты не практикуешь технику пересечения неба?

Он вдруг сплюнул небольшую порцию крови, но не вытер ее, а оставил на губах. Глядя на Бай Шаоцина, он тихо произнес:

— Я использую этот меч, чтобы нежно-нежно разрезать тебя семь или восемь раз, так что ты не умрешь, но и жить не будешь.

От его злобного взгляда Бай Шаоцин не удержался от дрожи. Скривив губы в усмешке, он вздохнул:

— К сожалению, моя техника пересечения неба подорвана, и техника сплетения тебе не поможет.

Казалось, Сыма Фань не подумал об этом. Замерев на мгновение, он сказал:

— Да, хотя я ранен, но у меня есть кое-что, чтобы исцелиться.

Взгляд, обращенный на Бай Шаоцина приобрел непристойный оттенок, загоревшись пугающим светом.

Бай Шаоцин замер.

Если бы он мог пошевелить руками, то вlepил бы себе двадцать или тридцать пощечин.

Сыма Фань приблизился и со злобным смехом сказал:

— Ты сам напросился. Я не хотел использовать тебя подобным образом.

Его рука мягко скользнула под одежду Бай Шаоцина.

— Так гладко. Маленькая Летучая Мышь, ты вылечишь мою рану и я буду хорошо к тебе относиться. А если ты хочешь, чтобы тебя похоронили в одной могиле с Фэн Луном, я исполню твое желание.

Бай Шаоцин наконец заскрипел зубами.

Он закрыл глаза.

Как только он закрыл глаза, перед его мысленным взором возникло ненавистное лицо Фэн Луна. Когда рука Сыма Фаня коснулась его кожи, по всему телу побежали мурашки, и липкое отвратительное чувство охватило его с головы до ног, будто по нему ползали слизи.

Фэн Лун...

Его горло словно что-то перекрыло. Он хотел выплюнуть имя того человека, но не мог этого сделать. Это имя было столь же ненавистным, как и его владелец, оно сдавило его горло и причиняло Бай Шаоцину невыносимую душевную боль.

"— Я бы хотел знать, сколько людей прикасалось к тебе?

— Ты знаешь, сколько боевых техник я знаю?

— Тридцать четыре.

— Значит, больше тридцати четырех человек..."

Бай Шаоцин вдруг вспомнил, что никто не прикасался к нему с тех пор, как он покинул Фэн Луна.

Два года единственной вещью, которая касалась его кожи, была спрятанная на груди нефритовая сяо.

Теперь появилась рука Сыма Фаня.

Бай Шаоцин уже думал, что все кончено.

Но тут до них долетел звук. Он был слишком тихим, чтобы понять откуда он исходит, и коснулся ушей, словно легкий ветерок. Но Бай Шаоцин знал, что это не ветер.

Сыма Фань закричал.

Тело Бай Шаоцина стало легким, а Сыма Фань успел уклониться в сторону. Не успел Бай Шаоцин открыть глаза, как его легкое тело подхватили с пола.

Появилось чувство, будто он возносится к облакам, засвистел ветер, и раздались громкие удивленные возгласы. После двух или трех вскриков, остался только свист ветра.

Сначала Бай Шаоцин собирался открыть глаза, но теперь зажмурился еще крепче.

— У старшего брата есть цингун, тебя легко нести. Шаоцин, ты не хочешь открыть глаза?

Такое ощущение, будто он снова вернулся на горный пик, где кое-кто поднял его на руки, когда он притворился, что не знает боевых искусств.

Он уже знал, кто пришел.

Он был на руках у этого мужчины, и его, вероятно, несли обратно в его логово.

Его меч Истребитель драконов не был в его руке.

Хуже всего было то, что его акупунктурные точки не были разблокированы, и он не мог использовать даже капельку своих сил.

Наконец свист ветра прекратился.

Над его головой раздался хорошо знакомый голос:

— Почему бы тебе не открыть глаза?

Бай Шаоцин посильнее зажмурился и спустя долгое время задал встречный вопрос:

— Почему ты спас меня?

— Спас тебя? Когда это я тебя спасал? — со смехом отпирался он.

— Хотя я ненавижу тебя, но я не тот человек, который не различает добро и зло. В этот раз ты правда спас меня от безумца Сыма Фаня, за что я тебе очень признателен. — Бай Шаоцин все еще не соглашался открыть глаза, будто человек, который держал его на руках, был самым отвратительным и мерзким дьяволом на свете. Он тихо сказал: — Обещаю, когда я убью тебя, то похороню как следует, чтобы бездомные собаки не обглодали твой труп.

— Я правда не спасал тебя. — Мужчина над его головой смотрел на него сверху вниз и смеялся все сильнее и сильнее. — Но было жаль позволять Сыма Фаню принимать такое хорошее лекарство. Я тоже был ранен трехфутовым клинком, и тоже изучал технику сбора "ян". И боюсь, у меня это получается лучше, чем у Сыма Фаня. Я решил, что будет лучше забрать тебя.

Лицо Бай Шаоцина резко изменилось. Его глаза расширились, и он злобно посмотрел на него, выдавив сквозь зубы несколько слов:

— Фэн Лун, я решил, что тебе лучше отправиться в брюхо бездомной собаки.

Пока он ругался, его черные глаза мрачно смотрели на давно забытое лицо Фэн Луна. Мужчина перед ним немного похудел, но его деспотичность все еще сохранялась. В горло

незаметно проникло теплое дыхание, которые витало в воздухе и не желало уходить.

Фэн Лун самодовольно улыбался, но, увидев, что Бай Шаоцин открыл глаза, немного поубавил свою улыбку, внимательно посмотрел на него и прошептал:

— Ты все такой же легкий.

Лицо Бай Шаоцина разгорелось, когда руки Фэн Луна обхватили его, будто он передавал сильное тепло его телу. Он вдруг смутился и с ненавистью произнес:

— Отпусти меня.

Его акупунктурные точки еще не были разблокированы, и он не мог даже символически сопротивляться.

То, что он покорно лежал в объятиях Фэн Луна с таким злобным взглядом, заставило глаза мужчины загореться, как две искры.

Когда Бай Шаоцин увидел взгляд Фэн Луна, его сердце сжалось, но тот неожиданно кивнул и сказал:

— Хорошо.

Он сделал пару шагов, нашел место, и положил Бай Шаоцина на спину. Освободившись от тепла Фэн Луна, Бай Шаоцин почувствовал себя спокойнее и огляделся вокруг. Они находились в полуразрушенном храме. По-видимому Фэн Лун скрытно перенес его сюда. Место, где он лежал, было каменным алтарем храма.

Фэн Лун выпустил Бай Шаоцина и, опустив голову, внимательно осмотрел его: брови, глаза, нос, рот, все. После тщательного осмотра, через какое-то время он поднял свои густые брови и спросил:

— Что это?

Он потер пальцами лоб Бай Шаоцина и увидел, что это грязь, которая была нанесена на его лицо несколько дней назад.

Его нахмуренные брови расслабились и спустя долгое время он произнес:

— Ты все такой же, маленькая Летучая Мышь.

Под его взглядом Бай Шаоцину было неуютно, будто его бросили в огромную печь. Его разум будто плавился от высокой температуры. Под сияющим взглядом Фэн Луна он невольно ступешевался и в замешательстве сказал:

— Брат, ты сильно похудел.

Едва он заговорил, как сам испугался. Его мрачные глаза заострились, он уставился прямо на Фэн Луна и попросил:

— Учитель, освободи мои акупунктурные точки.

Зрачки Фэн Луна вспыхнули глубокой нежностью, которая постепенно рассеялась, оставив на его губах лишь поддразнивание:

— Сначала учитель посмотрит, что украл его послушный ученик, а потом поможет тебе разблокировать точки.

Его рука легла на ворот одежды Бай Шаоцина.

Бай Шаоцин ощутил руку Фэн Луна, которая ощупывала его тело, и испуганно подумал: "Он собирается практиковаться на мне?" Но глядя на натянутую улыбку Фэн Луна, он невольно всем сердцем ощутил ненависть и, стиснув зубы, подумал: "Хмпф, что в этом такого? Он всегда так со мной обращается."

Момент ненависти смешался с чувством грусти, как будто все многолетние обиды в это мгновение вырвались наружу.

Уголки его глаз зачесались, и он подумал, что ему на лицо упала соломинка, летающая в воздухе. Он хотел ее смахнуть, но обнаружил, что его акупунктурные точки до сих пор не разблокированы. Он не мог применить ни крохи силы. Его сердце закололо, будто в него вонзилось множество иголок.

Рука Фэн Луна скользнула под одежду, но не для тех безобразий, что вообразил себе Бай Шаоцин. Он не сделал ничего фривольного, ни на мгновение, лишь вытащил какую-то штуку.

— Спасибо, что сохранил ее.

Нефритовая сяо все еще хранила тепло тела Бай Шаоцина. Фэн Лун прищелкнул языком, и поднес ее к губам, будто собирался сыграть мелодию, чтобы выразить свою радость, но вдруг остановился и, повернув голову, пробормотал:

— Я забыл разблокировать твои акупунктурные точки?

Он освободил Бай Шаоцина одним пальцем.

<http://bllate.org/book/15169/1340563>